

Пропаганда: единство полемической формы и документальной образности российского ТВ

Л.Ю. Малькова

доктор искусствоведения, профессор

В 2014 году термин «пропаганда» вернулся в речевой оборот политических ток-шоу, которые рассматриваются в статье как компонент обозначаемого им контента на основе эмпирического, сравнительно-сопоставительного и историко-генетического анализа вечерних информационных и аналитических программ телеканалов «Первый» и «Россия 1».

АННОТАЦИЯ
УДК 654.197

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

полемика,
монтаж, образ,
телевидение,
фильм

Расцвет полемических форм вещания из Москвы начался в 2014 году, продолжается сегодня и улавливается с телевизора на слух. В информационных программах звучит лексика, допустимая лишь в пылу горячего спора, притом из уст не только героев, но и ведущих, на каналах-носителях эталонного стиля телевизионной речи. Выбор вербального ряда был продиктован общим аудиовизуальным стилем информации, которая и на уровне композиции выпуска, и на уровне монтажного решения блоков внутри него выражала интересы РФ. Формируя экранную картину текущей действительности, ведущие каналы — прежде всего «Первый» и «Россия 1» — соблюдали целостность этого стиля, что послужило причиной обвинения всего нашего телевидения в «пропаганде».

Слово «пропаганда» на наших глазах вернулось в лексикон экспертов, обозначив сопутствующий предмет дискуссии на политических ток-шоу, утрачивая отрицательные коннотации, которые за ним закрепились, в том числе в журналистской науке во второй половине XX века (в отечественной — в постсоветский период). В этом смысле телевизионная практика пошла впереди науки благодаря развернувшейся на экране полемике, откровенность которой разрывает форматные границы ток-шоу.

Причина — в обострении международной ситуации, социально-экономическом и политическом кризисе в соседней Украине, приведшем к гражданской войне в ее приграничных с Россией регионах, и вхождении Республики Крым в состав РФ, — в спорном характере политики самого государства. Необходимость ее

отстаивать на телеэкране сомнений не вызывает, но острое политическое содержание как будто взрывает сложившуюся телевизионную форму изнутри, ищет себе новую, меняет пропагандистский механизм.

Взаимозависимость форм

Политическая коммуникация вновь погорячала. Ток-шоу освободились от показательного назначения. Политические сценарии, которые на них обсуждаются, стали воплощаться в жизнь, поддерживая статус телеформы как соответствующей реальности.

Происходящее в студиях П. Толстого и В. Соловьева стало напоминать не столько предыдущие попытки адаптации этого зарубежного формата на постсоветском экране, сколько политические дискуссии в высших органах партийной и советской власти, когда их трансляции ломали сетку эфира в преддверии развала СССР: новые пассионарные лица, резкие суждения, свободные аналогии, соединение международной и внутрироссийской политики в общий дискурс осмысления реальности. Сама аналогия говорит о рискованности телевизионной полемики для государства. Сейчас, как и тогда, вечные русские вопросы *кто виноват?* и *что делать?* судьбоносны, ответы меняют положение государства в мире. Разница с 1991 годом в том, что телестудии все-таки не высшие органы государственной власти, а обсуждение политических сценариев вписано в пропагандистский механизм.

В этом механизме, включающем разные информационные ресурсы, телевидение играет ключевую роль. Основная нагрузка лежит на канале «Россия 1», где «Вечера с Владимиром Соловьевым» в 2014 году нерегулярно, но выходили 2 раза в неделю, помимо «Воскресных». «Первый» оказывал здесь всемерную поддержку: «Политика» с Петром Толстым никогда не обгоняла передачу Соловьева по рейтингам, но выдерживала тяжелый ритм, и канал выделял ей время, которое мог занять игровыми фильмами или документалистикой. «Политика» редко, но теснила рубрику «Городских пажонов», соседствующую в вечернем эфире, и всегда загоняла далеко в ночь американские сериалы. Вслед за ними стали повторяться в ночи дневные выпуски ток-шоу «Время покажет» (запущено в будни с 15.09.2014): та же тематика, тот же Петр Толстой, только вместо А. Гордона, его соведущего в «Политике», Е. Стриженова задает большую эмоциональность и простоту изъяснения. В октябре 2014 года «Первый» запустил в еще более поздний ночной эфир «Структуру момента» (ведущий — Валерий Фадеев).

Все программы рассчитаны на думающего зрителя, «полуночника», стимулированы событиями на Украине и по содержанию

Телепрограмма «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», телеканал «Россия 1»

¹ Gallup Media отметил повышенный интерес российских телезрителей к событиям на Украине // URL: http://russia.tv/article/show/article_id/19112 (дата обращения: 20.05.2014).

привязаны к новостной повестке дня. В этом их функциональная особенность и уязвимость: вне общего потока зрителю, который не в курсе событий, часто невозможно понять, о чем речь, а повышенная эмоциональность полемики вызывает отторжение. Но, если приходишь в ритм ежедневных просмотров вечерних информационных программ, возникает интерес и к дискуссиям. В. Соловьев стал выходить в эфир трижды в неделю с конца февраля 2014 года, когда канал отметил увеличение доли «Вестей» (20.00, четверг, 20.02.14) более чем в 2,5 раза, по сравнению с началом месяца¹. При этом не всегда, но часто в 2014 году его студия включалась прямо вслед за «Вестями», как и программа «Специальный корреспондент». 57 корреспондентов ВГТРК работали на Украине уже в феврале. Актуализация украинской темы трансформировала с декабря 2013 года программу «Политика»: задуманная как «пьеса-конфликт» на тему недели в начале года, передача теряет с этого момента сценарную заданность, соперничая со студией Соловьева по полемическому накалу, уступая, однако, в четкости развития коллективной мысли даже в 2015 году.

Жесткая привязка дискуссионных программ к новостной повестке дня позволяет создать замкнутый интертекст со сквозными мыслеформами, визуальное наполнение и ежедневное обновление которых возлагается на информационную программу. Дискуссия их абстрагирует, рационализирует, дает мысли развиваться, но не слишком далеко. Заданная привязка заставляет ее вернуться к актуальному событию. А это важное ограничение полемики, и ведущий программы волен к нему прибегать.

Со своей стороны трансформировались и новости. Не только по выходным, но и в будни «Время» и «Вести» в 2014 году превратились в информационно-аналитические программы, пронизанные образностью. Метафорична речь ведущих, корреспондентов, монтаж сюжетов и тематических блоков выстраивается в чувственный образ, тематический контрапункт охватывает всю аудиовизуальную структуру вплоть до композиции выпуска. Это тоже взрыв формы изнутри самим содержанием, которое диктует ее временные рамки: не архаичные полчаса, не час — вечерняя программа новостей могла идти и полтора, и два, и два с полови-

ной часа. Вопреки опубликованной программе передач. Столько, сколько нужно для «расшифровки мира», как говорил Дзига Вертов, и часто смотрелась захватывающе, как кино. Если уместно обратиться к киногонезу экранной публицистики и сравнить с киножурналами эпохи утверждения нашей государственной самобытности, то вечерние теленовости в 2014 году — это больше «Кино-Правда» (1922–1925), чем «Кинонеделя» (1918–1919), «Госкинокалендарь» (1923–1926). Как и тогда, они дают метафорическое решение хроники дня для опровержения иного понимания, полемизируют с мировым информационным контекстом.

Образный строй

В найденной форме единения новостей с дискуссиями стержнем стало постоянное сплетение образов Украины и России. Для значительной части аудитории эти образы соединяются в воспоминании о советском прошлом, общей Родине, а у независимой Украины слишком много общих негативных черт с Россией. Сопоставление неизбежно, и когда оно проводится открыто, регулярно, это снижает риск неуместных аналогий и самостоятельных выводов, ограничивая поле размышлений предложенным на экране. Важно акцентировать не общее, а различное, ибо противостояние «народ — правительство» было и смысловым и визуальным ядром отправного для украинской темы образа «киевского майдана».

Будучи символом для украинского самосознания, этот образ на российском экране немедленно был проанализирован и стал ассоциироваться с насилием, обманом, нацизмом, авантюризмом, провокацией (что в нем, видимо, присутствовало), и затем перерос в образ Украины. Он развивается в тему года, расширяется с вариативной топонимической фокусировкой: Киев (площадь, Рада) — Крым (Севастополь, Симферополь) — города юго-востока — Одесса. Во второй

половине года Донецк и Луганск прочно удерживают на себе внимание кадрами-хронотопами боевых действий. Коллективная память на глазах телезрителей возрождает забытый топоним «Новороссия». Неопределенность его ментальной визуализации весной 2014 года вызвала больший трепет, чем конкретная

В. Соловьев — ведущий авторского ток-шоу

чувственность кадров, снятых в политически самоопределившихся ДНР и ЛНР. В этом динамичном образе, разумеется, нет адекватной географической широты Украины и попытки его социального структурирования. Доминирует политический ракурс, определяющий за кадрами, снятыми в Киеве, постоянное фоновое место в программе. Оно могло расширяться в дни выборов украинской власти, но в целом все фоновое представление Украины (Винница, Ивано-Франковск и т. д.), связано на экране с разными проявлениями насилия и нелепыми законами киевских властей.

Узловым хронотопом в переплетении образов Украины и России выступил Крым. Репортажи оттуда озаменовали трансформацию одного в другой, а полемика в студии как будто возымела политическую действенность. В начале марта, взвешивая «за» и «против», еще говорили, что процедура утверждения в РФ при позитивных результатах крымского референдума займет полгода, а 18 марта Крым и Севастополь уже вошли в РФ на правах субъектов.

Россия расширилась в границах, а ее экранный образ обрел новое эмоциональное наполнение. Радость единения передавали не только крымские сюжеты, но и студийные дискуссии, которые из политической плоскости перешли в русло утверждения коллективной идентичности, и этот мотив оставался неизменным, какие бы проблемы затем не вставали на повестке дня в новостях и не обсуждались в студиях. Важно, что вопрос русскости, в отличие от поиска своего этногенеза украинцами, рассматривался в контексте общей истории и культуры, опыта эффективного взаимодействия многонациональной России. В расширительном толковании эта коллективная идентичность закрепились в идеологеме «русский мир», которая вводится в телевизионный оборот. Произошло некое прояснение неопределенности коллективного «Я»: политэтническое, поликонфессио-

нальное, объединенное имперской и советской историей и готовое ее защищать. В марте 2014 года А. Проханов вбрасывает метафору «Крымский Мост», наделяя ее мистическим объединяющим Россию смыслом, и отстаивает мобилизационный проект в экономике.

Телепрограмма
«Время покажет»,
«Первый канал».
Ведущий П. Толстой

Заставка
телепрограммы
«Политика»,
«Первый канал»

В декабре звучит «Россия — крепость» (С. Шаргунов). Параллельное проявление вопроса «кому выгодно?» и политической роли США в войне закрепляет это осознание своего государства как форпоста географически неопределенного «русского мира», локализованного в «евразийском пространстве».

В переплетении образов Украины и России первый является отправным, второй — целевым, и поток телевизионной информации укрепляет именно его, дает позитивное наполнение не за счет вербальной стереотипизации, а почти автоматически, за счет заданного противостояния образов. На Украине все хуже, но даже в пылу полемики «Новороссия» не рифмовалась с «Малороссией», как могла бы в культурологически оправданной парадигме, и кроме отказа от предлога «в», значимых принижений страны не было. Соблюдалась корректность размежевания Украины и народа от киевской власти и поддерживающих ее сил, которые разоблачались всеми аудиовизуальными средствами. Заложенная в освещении украинского кризиса антитеза «народ — правительство», с одной стороны, остается открытой разным политическим перспективам для Украины, с другой — заставила пристальнее взглянуть в лицо собственной власти.

Российская власть в телевизионной проекции

С начала нового века «Время» и «Вести» демонстрировали напряженный труд законодателей и правительства — подтверждение их работоспособности сохраняло свою актуальность в период украинского кризиса и занимало большую часть времени новостей, не отведенного для репортажей из «горячих» точек. Недееспособность киевских властей диктовала эту необходимость и обеспечивала позитивную оценку российского руководства в целом. В студийных дискуссиях отдельная часть была посвящена внутрироссийской проблематике и в растущей мере — экономическим вопросам. Острота полемики нарастала, но она оставалась деловой, осенью вынудив называть своими именами такие болевые точки нашей жизни, о которых еще весной 2014 года говорить было не принято. В нее вовлекаются люди, облеченные властью на разных уровнях: депутаты,

Ведущий ток-шоу
«Политика»
П. Толстой

руководители и члены профильных комитетов и фракций Думы и СФ, внесдумских партий и общественных организаций, банкиры, губернаторы и крупные предприниматели. Важен регулярный режим, обновляемость состава, отсутствие в нем прежней озабоченности собственным имиджем — полемика по внутренним

вопросам иногда напоминала мозговой штурм. Это внушало надежду, что проблемы разрешатся. В конце января 2015 года слово «кризис» прозвучало применительно к российским реалиям — правительство, по совету президента трудившееся в новогодние праздники, признало его.

Само признание прозвучало неожиданно: о возможном кризисе в студиях заговорили еще летом, после принятия антироссийских санкций, осенью обсуждались размеры экономического бедствия и способы выхода из него. Стал обнаруживаться диссонанс внутри экранного образа власти: он ведь чувственно-конкретен, заземлен в документальном кадре, крупные планы отдельных лиц, общие планы в разной среде, разных обстоятельствах — кластер сливающихся в аудиовизуальном синтезе образов. Никогда не завершенный, развивающийся во времени. Власть на экране и абстрактна и конкретна: всегда буквально «должностное лицо» — и о ветвях власти судим по лицам, словам и поступкам на экране. Диссонанс стал проявляться в том, что законодатели всех уровней активно обсуждали в студии проблемы наравне с другими гостями, а исполнительная власть лишь заседала и объявляла о своих решениях в новостях в течение года. Показательное исключение — МИД. Мария Захарова, заместитель директора Департамента информации, защищая внешнюю политику РФ, разбивала и отечественных и зарубежных оппонентов. Подобные департаменты есть во всех министерствах, и отсутствие их представителей в общих теледискуссиях — признак уязвимости внутренней политики на уровне ее исполнения.

Этот диссонанс образа мало, но все же проявлялся на вербально-смысловом уровне разворачивающейся в течение года дискуссии: росла критика в адрес исполнения законов, много

было претензий по процедурным вопросам работы правительства, где слишком медленно и закрыто принимались решения. В конце года подъем ключевой ставки ЦБ падения рубля не сдержал, а кулуарность принятия решения и неэффективность 17% ее уровня были немедленно вскрыты в студийной полемике. В. Соловьев, в своем амплуа «гласа народа», многократно призывал в студию министров (как, впрочем, Обаму, Меркель и Путина). Но члены правительства, если появлялись на экране, то в жанре интервью, и в форме, стремящейся скорее к портретности («Познер»), чем к актуальной проблематике («Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» иногда включал между условными «внешнеполитической» и «внутриполитической» частями отдельную встречу с ответственным лицом). И дело не во взаимных симпатиях с интервьюером: Соловьев, выходя один на один, дает гостю возможность свободного высказывания, монтаж записи, аплодисменты студийных зрителей позволяют акцентировать выступление в нужном ключе и с должным уважением к рангу. Но у гостя должна быть политическая позиция, понятная и подкрепленная делами, и на экране лучше выглядели те, кому было чем отчитаться — С. Лавров или Д. Рагозин. Интервью вице-премьера Шувалова в программе В. Соловьева (01.02.2015) было по форме наиболее декларативным из всех, а содержащийся в нем призыв рассматривать кризис как новые возможности для себя и обогащаться в телевизионном контексте, годами заполненном криминальными сериалами, породил слишком вариативные ассоциации.

Но это лишь мелкое проявление внутренней конфликтности российского общества, которая скрывается за телевизионной образностью. В целом же найденная форма взаимодействия и взаимовлияния жанров представляется мобильным и эффективным средством продвижения государственной политики в контексте

В программе
«Политика» два
ведущих. На снимке
А. Гордон

информационной и экономической войны, которые не Россией были начаты и в 2014 году приобрели открытый характер. Сегодня это повседневная реальность, и телевидение мобилизует свои ресурсы для оперативной внутриполитической реакции на внешнеполитические вызовы.

Повторяемость: монтажное опровержение и вариативное утверждение политической мысли

Поскольку зритель, особенно важный для диалога власти с обществом социально активный зритель, сегодня может получать информацию из любых зарубежных источников через интернет, наши новостные программы часто берут информационные поводы из глобального экранного контекста. Не только выдержка из прессы, но и «чужая» теленовость дается целой монтажной фразой и оспаривается как вербальными средствами, так и общей монтажной системой телепередачи. Шаржи на Путина, карикатуры на Россию, выступление Порошенко с пробитым обломком автобуса, угрозы Яценюка и т. д. — все, что изначально было направлено против России, обращается в ее пользу. Выступления Джен Псаки перед прессой в США стало регулярным развлечением россиян, а ее имя — нарицательным². Заимствований такого рода могло быть больше. Пушков в передаче «Право знать!» говорил, что CNN дала в эфир карту с Украиной на месте Пакистана. Такое хочется увидеть, это развлекает и бодрит. Такова форма развернутой полемики с зарубежными СМИ, строго говоря, — контрпропаганда, направленная на «своего», российского, зрителя, прививающая ему «информационный иммунитет». Пользуется или не пользуется он зарубежными источниками, наше телевидение, агитируя его за Россию, одновременно передает и чувство интеллектуального превосходства. А программы «Время» и «Вести» удерживают высокие места в конкуренции с развлекательными жанрами.

Связующим звеном публицистики и политики являются выступления самих политических лидеров в прессе, для прессы на международных политических площадках разной степени открытости. Телевидение обладает способностью транслировать их в прямом эфире, а В. Путин является ключевой фигурой этого звена не только потому, что президент наделен полномочиями говорить от имени России и отвечает за изменение самой ее политики. С его личностью связаны характерные особенности нынешней телепропаганды, которая будучи политической, идеологической не является, не имеет под собой твердого фундамента идеологии. Общей идеологической платформы нет ни у российского истеблишмента, ни даже у ведущей партии «Единая Россия», и это заложено в ее программе. И Путин вовсе не носитель неких догматов, но справляется с идеологической разногласием, апеллируя к здравому смыслу. Он воплощает в себе реального политика, может быть, самого открытого в своей оценке на экране расклада геополитических сил и открытого для полемики. В этом основа его телегении, телевидение его любит, и ядром

² Запущенное в январе 2015 года приложение «Псакиночь» отразило мockомментарный сдвиг информационно-аналитической программы «Анатомия дня» (НТВ). Двусмысленная роль в информационной войне с РФ спикера Госдепартамента США, в 2015 получившей новый пост в Белом доме, хорошо осознается американскими аналитиками // URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/in-the-loop/wp/2015/02/19/with-states-jen-psaki-leaving-for-white-house-who-will-russian-media-have-to-kick-around/> (дата обращения: 14.04.2015).

Один из участников дискуссии — Вячеслав Никонов в программе «Политика».

всего потока информационного вещания лежат его многочасовые пресс-конференции, «прямые линии», обращения, интервью. Так политическая позиция России не просто декларируется, но переводится на понятный язык, подкрепляется фактами, о которых редкий лидер рискует говорить вслух. Его тезисы

становятся исходными концептами вещания, а метафоризм его мышления заразителен, входит в моду среди участников российских политических ток-шоу.

Трансформируясь, ток-шоу обнажили и разницу идеологий, и возможность прийти к некоему идейному консенсусу их протагонистов, продиктованному политической необходимостью. Привязанные к новостной повестке дня, они являются слагаемым пропаганды государственной политики. В основе пропаганды — повторение. Позиции, заявленные руководством страны в прямом эфире, повторяются в записи, в разной мере сокращенные в выпусках новостей в тот же день, на следующий день, в воскресных информационно-аналитических программах. Заведомая полемичность ток-шоу позволяет скрыть в многоголосьекратно растущую повторяемость этих положений.

Репортажный кадр и монтаж: политический императив эстетического целого

Снятый в жизни, на месте события, документальный кадр, похоже, утратил самостоятельное значение. Он концептуализируется в информационных программах, может повторяться в разных контекстах в разных выпусках. Р. Бабаян («Право голоса», ТВЦ), С. Минаев («Право знать», ТВЦ) и В. Соловьев довольно редко прибегают к нему как аргументу или отправной точке дискуссии, полагаясь на новости, с которыми блокируются в программе. П. Толстой — чаще. Но в тех случаях, когда кадры из горячих точек Украины показываются, они не могут поколебать позицию независимого журналиста Майкла Бойла, украинских политологов Олеси Яхно и Вадима Карасева или руководителя бюро НАТО Роберта Пшеля. «Это нельзя показывать», «Нет заключения международных экспертов», «Это пропаганда» —

такие реплики могут звучать в присутствии журналиста, снявшего только что показанные на внутростудийном экране кадры. При этом зарубежные эксперты проигрывают на уровне чувственных реакций, отворачиваясь в прямом смысле от того, что для отечественных, при всех их идейно-политических разногласиях, является достоверным документом. Аналогичная реакция следует на фильмы в программе «Специальный корреспондент», которая тоже превращена в политическую полемику.

Фильмы — только повод для нее, хотя целый ряд работ, особенно А. Рогаткина, — блестящие документальные картины со сквозной системой очень разных образов-характеров реальных людей. Они выростали из репортажей в новостях, часто дополненных прямыми включениями в конце выпуска, монтировались в очерк к воскресным «Вестям», а в «Специальном корреспонденте» представлены в наиболее целостном виде. В них есть та связь фронтовой кинохроники и кинопублицистики, которая дала классическую «Испанию» (реж. Э. Шуб, текст В. Вишневский), созданную в 1939 году из репортажных кадров Р. Кармена и Б. Мокасева. Эти кадры уже были показаны в киножурнале «К событиям в Испании» (1936–1938). Так же, как осенью и зимой 1941 года показывались кинорепортажи обороны столицы в киножурнале «На защиту родной Москвы» — москвичам, в «Союзкиножурнале» — всей стране. В феврале 1942 года из этих кадров был создан «Разгром немецких войск под Москвой» (реж. Л. Варламов и И. Копалин, текст П. Павленко) — тоже, несомненно, пропаганда. Но в 1943 году картина, первой из всех советских фильмов, снискала «Оскара». Другой была политическая ситуация, другой контекст — мировой войны. Вольно или невольно телевидение сегодня возвращается к отечественным «ноу-хау» пропаганды: документальный кадр, репортажный фрагмент обретает интертекстуальность, становится опорой разворачивающегося во вре-

мени гипертекста экрана. Его собственные эстетические характеристики при этом отнюдь не утрачиваются, но, как видим, и в прошлом и теперь подчиняются политическому императиву. Политический контекст в конечном счете определяет эстетические оценки документальных

Заставка программы «Право голоса», телеканал «ТВ Центр»

Фрагмент программы
«Право голоса»,
ведущий Р. Бабаян

кинопроизведений в текущем времени.

Отсутствие политических документальных фильмов в сетке 2014 года на «России 1» и «Первом» — отчасти кажимость. Они входили целостными блоками в информационно-аналитические программы. Что, может быть, верно, учитывая утрачен-

ный вкус аудитории к документальному кино не о звездах. В то же время заявленные в сетке они акцентировали информационный поток. В 2015 году политический фильм стал чаще открыто заявляться в программе «России 1», и симптоматично, что вновь Путин стал знаковой фигурой наметившегося поворота в программной политике канала, оказавшись композиционным центром сразу двух полнометражных фильмов помимо традиционной четырехчасовой «прямой линии» 16 апреля.

Пропаганда должна быть взвешенной, дозированной. Для нее важен художественный и развлекательный контекст, чтобы зритель чувствовал себя свободно. Но все же «Россия 1» показала историко-документальный «Проект Украина» (сц. А. Медведев, Т. Саломадина, реж. В. Максимов), а «Первый» — аналитическую картину «Золото» (сц. Е. Анан, реж. Г. Богданов), оперативно меняя сетку в дни рублевого обвала. Отметим, что в общем политическом оркестре участвуют не только «Первый» или «Россия», и для каждого канала важно сохранение своего лица. А для пропаганды важны и размышления Познера в роуд-муви по Германии или Великобритании, и «Нерассказанная история США» великого Оливера Стоуна.

Стоун создал многосерийную документальную киноисторию страны, которая, поправ свои идеалы, превратилась в жандарма и представляет угрозу для выживания человечества. Десять фильмов выходили в воскресном ночном эфире с ноября 2014 по январь 2015 года. Это тот образ врага и ответ на вопрос «кто виноват?», о котором спорили наши эксперты с весны прошлого года. Между тем фильм, превосходящей по числу и силе аргументов все наши дискуссии, снят еще в 2011 году, и трехлетнее опоздание его выхода на экран «Первого» говорит о том, что уместное сегодня было неуместным для отечественной пропаганды вчера.

Выводы и прогнозы

В целом сложившийся в 2014 году мобильный механизм взаимозависимых форм умножает действенность проводимых идей, демонстрируя, в качестве побочного эффекта, что практически любое содержание репортажного кадра может быть полемически отвергнуто или опровергнуто.

Этот механизм актуализирует архетипы коллективного бессознательного, апеллируя к инстинкту самосохранения, что оправдано в условиях развернувшихся боевых действий у границ РФ. Его сложность — в неустойчивой, подвижной эфирной структуре, привязке к новостной повестке дня, которая заставляет работать в оперативном режиме, продуцируя гибридные формы. Создаваемая образно-монтажная ткань впечатляет профессионалистом: живая мысль пронизывает структуру общественно-политического вещания на всех уровнях, «взрывая» годами отработанные форматы, не позволяя отражению реальности закрепиться в новых.

Эта сложность подразумевает высокую трудоемкость — «Россия 1» и «Первый», задавая тон другим каналам в этом сегменте, уже больше года работают в таком режиме. Мобильность программы сама по себе обладает мобилизующим аудиторию эффектом и фактором, противодействующим этому эффекту, является усталость аудитории «от политики». В самом деле: как долго зритель новостей, обреченный программированием на последующую политическую дискуссию, перебирая кнопки каналов, будет «зависать» на той или другой полемической ноте? Вопрос, профессионально не праздный: год, прошедший на экране под знаком кровавых жертв со времени расстрела на майдане Незалежности в Киеве, — большой срок. Многих ли заставил бодрствовать в ночь подписания соглашений «Минск — 2» шестнадцатичасовой прямой эфир, сломавший сетку программы на канале «Россия 1» с вечера 11.02.1015? Телевидение в найденных формах отражает реальную политическую напряженность в мире, но обязано и учитывать лимит устойчивости зрителя к стрессу.

Косвенным показателем этой границы можно считать снижение самоконтроля участников дискуссий, проявившееся к марту-апрелю 2015 года. В адрес аналитиков из устоявшегося к этому времени ряда протагонистов киевского режима зазвучали оскорбления, ранее носившие лишь неопределенно-личную форму. Новый виток развития террора на Украине захлестывает самих участников российских ток-шоу: в это время в Киеве арестовывают, но отпускают главу компартии Петра Симоненко, затем убива-

ют Олеся Бузину, умного, образованного сторонника украинской государственности и критика развязавших войну властей. Опасность ощущается уже иначе, повеяло духом ток-шоу украинского разлива. Однако, на мой взгляд, угроза для России не настолько велика, чтобы дальше поддерживать и утрировать резкость полемического стиля вещания. Стиль, как показывает украинский опыт, — не панацея от политических бед. Но опыт американский говорит о его коммерческой привлекательности: повенчавший полемику с новостями вопреки сложившимся правилам игры, «Фокс Ньюс» (Fox News) на пороге нового века изменил расстановку сил в телеиндустрии и почти двадцать лет удерживается в четверке лидеров американского вещания, невзирая на поток упреков в свой адрес. Будучи лишь одной из форм пропаганды на политической площадке, агрессивный полемический стиль доказал свою эффективность в конкурентной борьбе телеканалов.

70-летие Победы в Великой Отечественной войне, выводя на очередной виток обсуждение ее места во Второй мировой, в целом стабилизировало экранную политику российских каналов независимо от внешнеполитического расклада сил. Политический документальный фильм уже открыто возвращает себе утраченные позиции в сетке вещания, опираясь на импульс общественного интереса к теме. В стремительно растущих объемах рубрики «Документальные» на сайте Russia.tv рядом с «Проектом «Украина» соседствуют фильмы А. Мамонтова «Операция «Rex»», «Бандеровцы. Палачи не бывают героями» и «Олигарх», «Степан Бандера. Следы на Майдане» (сц. Н. Метлина, реж. А. Березин), «Каратели. Правда о латышских стрелках» (сц. П. Мишин, реж. Г. Быков), «Сланцевая революция. Афера века» и другие, в том числе, вполне «форматные» фильмы о знаменитостях. Но историко-политическая документалистика доминирует, не делая различий между «программами» и «фильмами»³. Президент, собирая рекордную аудиторию, превращает политику в «звездную» тему телеэкрана. К годовщине крымского референдума был показан фильм А. Кондрашова «Крым. Путь на родину» (15.03.2015). Лента продолжительностью два с половиной часа собрала в прайм-тайм 40,6% телеаудитории страны старше 18 лет. Сам Путин задал тон «карты на стол» в разговоре с автором, что позволило выстроить фильм как «расшифровку» хронологии событий, о которых в теледискуссиях прошлого года могли только гадать. А на следующий день уже фильм дал повод для дискуссий и не только на отечественном ТВ. К 15-летию первого избрания Путина на президентский пост (26.04.2015) показали фильм В. Соловьева «Президент» — тоже в вечерний прайм-тайм, но вместо

³ Показательно и отсутствие на сайте «Исторических хроник с Николаем Сванидзе». Из десятков фильмов бывшего «лица» канала остались в доступе: «1992. Егор Гайдар. Реформы» и «12 месяцев Егора Гайдара», а также «1993. Борис Ельцин» (2 части) и «Б.Н.» — последняя дань канала историко-политической концепции, которую он поддерживал почти четверть века. Герои этих лент по существу уже низвержены, а фильмы — примеры пропаганды устаревшего образца. См.: «Исторические хроники» с Николаем Сванидзе // URL: http://russia.tv/brand/show/brand_id/9226 («Istoricheskie khroniki» s Nikolaem Svanidze // URL: http://russia.tv/brand/show/brand_id/9226).

«Воскресного вечера» с автором фильма (что не мешало ему в студии анонсировать фильм). Путин оставляет ощущение «своей соразмерности стране», как говорит о нем в фильме Захар Прилепин. И поскольку, по-видимому, аудитория с ним согласна, телевидение продолжит культивировать его образ. Это пропаганда: свет «звезды» распространяется на весь политический сегмент вещания; идентифицируясь с образом вождя, зритель заражается ощущением соразмерности, постепенно приучается соизмерять себя со страной.

На повестке дня — внедрение политических мотивов, выработка постоянных идейных акцентов в любимых формах экранного развлечения. Прежде всего — в игровых сериалах жанра бытовой драмы. Но и здесь у отечественного кинематографа свой богатый исторический опыт, на который можно опереться. Если, конечно, нынешний мобильный, привязанный к новостной повестке, механизм пропаганды не будет поддерживаться изо дня в день военной эскалацией на рубежах РФ. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Вертов Д. Статьи. Дневники. Замыслы. — М.: Искусство, 1966. — 320 с.
2. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
3. Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. — Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. — 352 с.
4. Малькова Л.Ю. Современность как история. Реализация мифа в документальном кино. — М.: Материк, 2006. — 224 с.
5. Малькова Л.Ю. Социальное и документальное: противоречия отражения экранной жизни России / Социальные аспекты современного вещания в России. — М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. — С. 86–97.
6. Fowler R. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. — L., N.Y., Routledge, 1991. — 252 p.
7. London S. *How the Media Frames Political Issues*. 1993 //URL: <http://www.scotlondon.com/reports/frames.html> (дата обращения: 12.04.2015).

REFERENCES

1. Vertov D. *Stat'i. Dnevniky. Zamysly [Articles. Diaries. Ideas]*. — M.: Iskusstvo, 1966. — 320 p.
2. Deyk van T.A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]*. — M.: Progress, 1989. — 312 p.
3. Yorgensen M.V., Phillips L. Dzh. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method]*. — Khar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyy tsentr», 2008. — 352 p.
4. Mal'kova L.Yu. *Sovremennost' kak istoriya. Realizatsiya mifa v dokumental'nom kino [Modernity as history. The realization of the myth in the documentary film]*. — M.: Materik, 2006. — 224 p.
5. Mal'kova L.Yu. *Sotsial'noe i dokumental'noe: protivorechiya otrazheniya ekrannoy zhizni Rossii/ Sotsial'nye aspekty sovremennogo veshchaniya v Rossii [Social and documentary: the contradictions of the reflection screen life of Russia]*. — M.: Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2014. — P. 86–97.
6. Fowler R. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. L., N.Y., Routledge, 1991. — 252 p.
7. London S. *How the Media Frames Political Issues*. 1993 //URL: <http://www.scotlondon.com/reports/frames.html> (дата обращения: 12.04.2015).

Propaganda: Unity of Polemic Forms and Documentary Images in Russian TV

Liliana Malkova

PhD (Arts), professor (Moscow University)

UDC 654.197

ABSTRACT: In 2014 the term «propaganda» came back into turn of speech of political talk-shows losing its negative connotations which had been supported by journalistic discourse in the second half of the 20th century. Talk-shows were filled up with sharp contents, live discussion transgressing the course prescribed by the script, foreign challenges forced to bring up some questions of domestic policy which had been avoided on TV till yesterday.

The rigid binding of polemic programs to the news agenda allows to create on TV an intertext based on indwelling mental forms. Their visual filling and daily updating is assigned to news program. Discussion makes them abstract and verbally rationalized, allowing thought to develop, but the binding to news forces it to return to a topical event and serves as the polemic limiter in the hands of the anchor.

The news transformed as well. Not only Sunday, but also weekday programs «Vremya» and «Vesti» in 2014 turned into analytical programs presenting news penetrated by figurativeness.

Their broadcasters and reporters tend to metaphoric speech, the editing together of film shots and thematic blocks aims to provide a highly organized sensual image, expressive montage pervades the entire structure including composition. The news form exploded from within by the power of its content which dictated it to continue against the archaic half hourly time limit.

The issues are often taken from the global screen context. Not only an extract from press but foreign TV news may be quoted in long original sequences combining shots with speech and then debated verbally and negated by the whole montage system of the program.

Talk shows revealed the difference of ideologies and the ability of their protagonists to come to some sort of ideological consensus, dictated by political notions. Tied with the news agenda, they come as a component of propaganda. The basis of propaganda is repetition. The ideas expressed by the leadership of the country in live transmission get repeated again in record, reduced to a variable extent in newscasts the same day, next day, in Sunday news and analytical programs. Talk show hides the growing frequency of occurrence of these ideas in polemic disguise.

KEY WORDS: polemic, montage, image, television, film